

Курт ВОННЕГУТ

ДАЙ ВАМ БОГ ЗДОРОВЬЯ, ДОКТОР КЕВОРКЯН

Особая благодарность Марти Голденсону из WNYC, который служил нашему скитальцу по загробной жизни редактором отдела местных новостей, воодушевляя на поиски материала, и который нашел общественную радиостанцию, платившую автору по доллару за слово, что не так уж мало для адской работы в раю.

Вступительное слово спецкора WNYC в загробной жизни

Мой первый предсмертный опыт был случайным: врачи перемудрили с анестезией во время шунтирования. Я слышал о людях, которые рассказывали в ток-шоу о том, как они проходили через голубой туннель к райским вратам и даже через сами райские врата, а потом снова вернулись к жизни. Лично я определенно не стал бы предпринимать столь рискованную экспедицию специально, если бы сперва не пережил подобную, спланировав затем другую в сотрудничестве с командой доктора Джека Кеворкяна в его оборудованном по последнему слову техники центре для смертельных инъекций в городе Хантсвилл, штат Техас.

Последующие репортажи были записаны для трансляции на радиостанции WNYC. Надеюсь, они передают ощущение непосредственного контакта. Они были зафиксированы на пленку в покрытой кафелем камере смертников в Хантсвилле уже через пять или около того минут, после того, как меня отвязали от кресла. Между прочим, магнитофон, так же как и кресло, принадлежал техасским благодетелям и обычно использовался для того, чтобы обессмертить последние слова людей, готовых совершить поездку в один конец (все расходы оплачены) напрямик в рай.

Лично я больше не собираюсь предпринимать поездок туда и обратно, во избежание еще одного несчастного случая. Ради своей семьи я попытаюсь восстановить страховку, если это возможно. Но другие журналисты, а может и просто туристы, наверняка воспользуются безопасным двусторонним сообщением с Вечностью, которое я открыл. Я прошу их удовольствоваться проведением интервью на расстоянии в сотню метров, разделяющем конец голубого тоннеля и райские врата.

Пройти через райские врата, чтобы поговорить с каким-нибудь исключительно интересным собеседником, как я

убедился на своей шкуре, означает пойти на риск, что своенравный Святой Петр, оказавшись в дурном настроении, просто не выпустит тебя назад. Подумайте о горе своих друзей и родственников, если, пройдя сквозь Райские врата дабы поговорить, скажем, с Наполеоном, вы в результате покончите жизнь самоубийством.

По поводу веры или неверия в загробную жизнь: многие из вас знают, что я не христианин, не иудей, не буддист, и вообще не религиозный человек в общепринятом смысле слова.

Я гуманист, а это, в частности, означает, что я старался вести себя прилично, не ожидая награды или наказания после смерти. Мои германо-американские предки, обосновавшиеся на Среднем Западе в эпоху нашей Гражданской войны, называли себя «вольнодумцами», что то же самое. Например, мой выдающийся дед Клеменс Воннегут писал: «Если то, что говорил Христос, правильно, то какая разница, был он Богом или нет?»

А я сам писал: «Если бы Нагорная проповедь не была проповедью милосердия и жалости, я не хотел бы быть человеком. Я с таким же успехом мог бы быть гремучей змеей».

Я почетный председатель Американской гуманистической ассоциации и сменил на этом, в сущности, бесполезном посту покойного Айзека Азимова, выдающегося, необычайно плодовитого писателя и ученого. На мемориальной церемонии в АГА я сказал: «Айзек теперь на небесах». Ничего более смешного своим гуманистическим слушателям я сказать не мог. Они себе животы надорвали. Веселуха! Несколько минут потребовалось, чтобы восстановить хоть какое-то подобие торжественности.

Разумеется, эту шутку я отмочил до своего первого предсмертного опыта – того, что был случайным.

Так что, когда придет время мне самому присоединиться к ангельскому хору (Боже упаси), я надеюсь, кто-нибудь скажет: «Он теперь на небесах». Кто знает, в самом деле? Все это могло мне и присниться.

Какую я хочу эпитафию? «Все было прекрасно и ничуть не больно». Что бы это ни было, я легко отделался.

Гуманисты, не имея никаких достоверных сведений о каком бы то ни было Боге, довольствуются тем, что в меру своих сил служат единственной абстракции, с которой они хоть как-то знакомы: своим ближним. Им не надо вступать в Американскую ассоциацию гуманистов, чтобы быть ими. Они сами себе АГА.

Да, и эта книга моих диалогов с покойными создавалась в надежде заработать немного денег – не для меня, а для Национальной общественной радиостанции WNYC в центре Манхэттена. WNYC подбрасывает пищу для ума своим и моим ближним. Эта станция делает то, чего ни одна коммерческая радио- или телекомпания уже не может себе позволить. Она отстаивает право людей знать – контрастируя с жалкими потугами популярных публицистов и телеведущих, предлагающих публике пустые развлечения и увеселения.

В то время как многие сотрудники WNYC вполне удовлетворяются традиционными религиями, коллективный эффект, который они производят на своих слушателей, есть ни что иное как гуманизм – идеал

настолько приземленный и далекий от величественности, что я никогда не пишу его с большой буквы. Слово «гуманист» в том смысле, в каком я его употребляю, не означает ничего сверхъестественного и является лишь удобным синонимом «хорошего гражданина и приличного человека».

Я желаю всем и каждому долгой и счастливой жизни, что бы ни случилось с вами после. Пользуйтесь солнцезащитным кремом! Не курите.

Впрочем, сигары вам не повредят. Есть даже целый журнал, посвященный прославлению сего продукта, с образцами мужественности на обложках: актерами, спортсменами, миллионерами со своими молодыми женами. А почему не глава Минздрава? Конечно, сигары делаются из смеси толченых орехов кешью, гранолы и изюма, вымоченной в кленовом сиропе и высушенной на солнце. Так почему бы не скушать парочку на сон грядущий?

Оружие тоже хорошо. Спросите Чарльтона Хестона, однажды сыгравшего роль Моисея. В порохе нет ни жира, ни холестерина. Для разрывных пуль тоже годится. Спросите своего сенатора или сенаторшу или представителя в конгрессе, полезны ли ружья, как и сигары.

Мой покойный дядя Алекс Воннегут, младший брат моего отца, выпускник Гарварда, работавший страховым агентом в Индианаполисе, начитанный и умный, был гуманистом, как и все в семье. Одним из самых непонятных для дяди Алекса свойств человеческих существ вообще было то, что они так редко обращают внимание на свое счастье.

Сам он не упускал случая поблагодарить судьбу за ее подарки. Скажем, в летний полдень потягиваем мы лимонад в тени яблони, а дядя Алекс мог прервать разговор, чтобы вставить: «Если это не прекрасно, то что же?»

Я и сам произношу эту фразу в моменты простого, естественного блаженства: «Если это не прекрасно, то что же?» Возможно, другие люди также найдут применение

этой реликвии, доставшейся мне от дяди Алекса. Меня она действительно подбадривает.

Ну а теперь давайте развлечемся. Поговорим о сексе. Поговорим о женщинах. Фрейд сказал, что он не знает, чего хотят женщины. А я знаю, чего хотят женщины. Они хотят, чтобы у них была масса людей, с которыми можно поговорить. О чем они хотят говорить? Они хотят говорить обо всем.

А чего хотят мужчины? Они хотят, чтобы у них было много приятелей и чтобы к ним предъявляли поменьше претензий.

Почему сегодня так много разводов? Потому что у большинства из нас больше нет больших семей. Раньше, когда мужчина и женщина вступали в брак, невеста получала гораздо больше людей, с которыми можно говорить обо всем. Жених получал еще больше приятелей, которым можно рассказывать глупые анекдоты.

Некоторые американцы, хотя и очень немногие, до сих пор живут большими семьями. Навахо. Кеннеди.

Но в большинстве случаев, когда мы вступаем в брак, каждый из нас – лишь еще один человек для другого. Жених получает еще одного приятеля, но это женщина.

Женщина получает еще одного человека, с которым можно говорить обо всем, но это мужчина.

Когда пара ссорится, можно подумать, что это из-за денег или власти или секса или воспитания детей или чего угодно. Но вот что они на самом деле, хотя и не осознавая этого, говорят друг другу:

«Тебя мне мало!»

Однажды в Нигерии я встретил человека из племени Ибо, который близко знал шесть сотен своих родственников. Его жена только что родила – самая лучшая новость в любой большой семье.

Они собирались показать ребенку всех его родственников, Ибо всех возрастов, форм и размеров. Он должен был увидеть даже других детей, кузенов и кузин немногим старше его самого. Каждый, кто был достаточно взрослым, хотел подержать его на руках, понянчиться с ним, поагукать и сказать, какой он красивый или красивая.

Разве вы не хотели бы быть этим ребенком?

Это бессвязное вступление оказалось в четыре раза длиннее самого эффектного и эффективного произведения в истории англо-говорящего мира, а именно – обращения Линкольна к армии на поле битвы у Геттисберга.

Линкольн был застрелен второразрядным актером, воспользовавшимся своим конституционным правом носить оружие. Как и Айзек Азимов и дядя Алекс, Линкольн теперь на небесах.

Итак, это Курт Воннегут, из загробного мира, специально для радиостанции WNYC.

Агу и адьос. Или, как сказал мне, лукаво подмигнув, Святой Петр, когда я сказал ему, что это моя последняя поездка в рай и обратно: «Увидимся еще, крокодилище».

К. В.

8 ноября 1998 и 15 мая 1999

ВО ВРЕМЯ СВОЕГО ПРЕДСМЕРТНОГО ОПЫТА этим утром я выяснил, что происходит с людьми, умершими еще в младенческом возрасте. Выяснил я это случайно, потому что, проходя через голубой туннель, я собирался проинтервьюировать доктора Мэри Д. Эйнсворт, которая умерла 21 марта сего года в возрасте восьмидесяти пяти лет в Шарлоттсвилле, Вирджиния. Она была вышедшим на пенсию, но активным до последнего детским психологом.

Экстравагантно-хвалебный некролог доктору Эйнсворт в «Нью-Йорк Таймс» гласил, что она сделала больше всех для изучения долгосрочных последствий связи между матерью и ребенком в первый год его жизни – или, наоборот, недостаточной связи. Она исследовала брошенных детей в Лондоне, все виды материнства или его отсутствия в Уганде, а затем здесь, в Соединенных Штатах А.

Собрав впечатляющие научные доказательства, она пришла к заключению, что дети нуждаются в тесном контакте с матерью в начале жизни, чтобы преуспеть в жизни. В противном случае они будут вечными неудачниками.

Я хотел, чтобы она рассказала еще о соотношении естественного и общественного, а также о материнском

уходе, который я сам получил, когда был новорожденным – вот только объяснять это мне пришлось бы слишком долго.

Но доктора Эйнсворт переполнял восторг по поводу того, как ее теория подтверждалась в раю. Забудьте все почести, которыми ее награждали коллеги-психологи на земле. Оказывается, в раю есть свои ясли и детские сады для тех, кто умер в детстве. Суррогатные матери-добровольцы, а иногда настоящие матери, если они умерли, носятся с маленькими душами как ненормальные. Нячат, нячат, нячат. Целуют, целуют, целуют. Тише, деточка, не плачь. Мамочка любит тебя. Вот срыгнешь, и тебе полегчает. Теперь лучше? Пора баиньки. Гу, гу, гу.

И дети вырастают в ангелов. Вот откуда берутся ангелы!

Это Курт Воннегут передает из центра смертельных инъекций в Хантсвилле, Техас. До следующего репортажа, гу-гу-гу и та-та.

ЭТИМ УТРОМ, БЛАГОДАРЯ КОНТРОЛИРУЕМОМУ предсмертному опыту, мне посчастливилось встретить у конца голубого туннеля человека по имени Сальваторе Бьяджини. 8 июля сего года мистер Бьяджини, строитель на

пенсии, в возрасте семидесяти лет получил смертельный сердечный приступ, пытаясь спасти своего любимого шнауцера Тедди от нападения обезумевшего питбультерьера по кличке Челе.

Питбуль, никогда раньше не замеченный в агрессивном поведении по отношению к человеку или животному, перепрыгнул полутораметровую ограду, чтобы напасть на Тедди. Мистер Бьяджини, невооруженный человек с длительной историей сердечной недостаточности, схватил его, позволив шнауцеру убежать. Питбуль покусал мистера Бьяджини в нескольких местах, а потом сердце мистера Бьяджини остановилось и больше не билось никогда.

Я спросил этого героического любителя животных, каково умирать за шнауцера по кличке Тедди. Сальвадор Бьяджини отвечал философски. Он сказал, что это точно лучше, чем умирать ни за понюх табаку на вьетнамской войне.

ПОСЛЕ СЕГОДНЯШНЕГО КОНТРОЛИРУЕМОГО предсмертного опыта я очнулся с буквально разрывающимся сердцем оттого, что нельзя пронести

магнитофон через голубой туннель в рай и обратно. Никогда раньше духовой оркестр в нью-орлеанском стиле под руководством покойного Луи Армстронга не приветствовал вновь прибывшего гремящим “When the Saints Come Marching In”. Столь редкая и радостная честь, которая, как мне сказали, выпадает лишь одному из десяти миллионов новоумерших, была оказана австралийскому аборигену-полукровке по имени Бирнум Бирнум.

Когда в девятнадцатом столетии прибыли белые поселенцы, у уроженцев Австралии и соседней Тасмании была самая простая и примитивная культура из всех народов Земли. Европейцы считали их паразитами, наделенными душой и разумом не более, чем, скажем, крысы. В них стреляли, их травили... Лишь в 1967, практически позавчера, оставшиеся в живых аборигены Австралии были пожалованы гражданством благодаря демонстрациям, которые возглавил Бирнум Бирнум. Он был первым аборигеном, поступившим в юридический колледж.

На Тасмании выживших не осталось. Я попросил у Бирнума комментарий по поводу тасманцев специально для WNYC. Он сказал, что они стали жертвами единственного успешного геноцида, известного истории. Луи Армстронг

флота Соединенных Штатов, присягнувшего защищать Конституцию. Командовал ими полковник Роберт Ли.

В раю Джон Браун носит петлю вместо галстука. Когда я спросил его об этом галстуке, он спросил: «А почему у тебя такого нет? Где твой галстук?»

Его глаза пылали огнем. «Без пролития крови, – сказал он, – не бывает прощения». Оказалось, это из Нового Завета (Евр. 9:22).

Я сделал ему комплимент по поводу фразы, сказанной им по пути к виселице перед веселящейся, глумящейся толпой белых людей. Цитирую: «Это прекрасная страна». Каким-то образом ему удалось сконцентрировать всего лишь в трех словах весь ужас самого отвратительного узаконенного зверства, совершенного цивилизованным народом до Холокоста.

«По американским законам рабство было легальным», – сказал он. «Холокост был легальным по немецким законам», – добавил он.

Джон Браун был уроженцем Коннектикута, родившимся в городе Торрингтон. Он сказал, что есть один уроженец Вирджинии, Томас Джефферсон, которому удалось

заклЮчить самого Бога всего лишь в четырех словах: «Все люди сотворены равными».

Брауну было двадцать лет, когда умер Джефферсон. «Этому достопочтенному джентльмену, образованному и умному, – продолжал Джон Браун, – удалось написать эти несравненные, святые слова, будучи рабовладельцем. Скажи, неужели только я понимаю, что Джефферсон с самого начала своим примером сделал нашу прекрасную страну воплощением зла, где подчинение черных людей белым прекрасно сочеталось с естественным правом?»

«Можно уточнить? – спросил я, – Вы утверждаете, что Томас Джефферсон, наверное, самый почитаемый из наших отцов-основателей после Джорджа Вашингтона, был плохим человеком?»

«Пусть это будет моей торжествующей истиной, – ответил он, – в то время как мое тело обратилось в прах»¹.

Это Курт Воннегут из центра эвтаназии в Хантсвилле, Техас. До следующего раза, агу.

¹ Слова из «Боевого гимна Республики».

ВО ВРЕМЯ ВЧЕРАШНЕГО КОНТРОЛИРУЕМОГО предсмертного опыта я поболтал прямо за райскими воротами с Робертой Горсух Берк, женой семидесятидвухлетнего адмирала Арли А. Берка, командующего военно-морским флотом с 1955 по 1961 год. Под его руководством военный флот вступил в ядерную эру.

Она умерла в прошлом июле в возрасте девяноста восьми лет. Адмирал Берк (к тому времени, конечно, в отставке) умер годом раньше в возрасте девяноста девяти. Они познакомились на свидании вслепую в 1919 году, когда он был курсантом военно-морской академии. На этом свидании она в последний момент подменила свою старшую сестру. Судьба.

Четыре года спустя они поженились. Если предыдущий опыт показателен, то наверняка они останутся мужем и женой по ту сторону голубого туннеля, навечно. «Не бегать же на сторону», – сказала она мне. На похоронах мужа, когда Роберте оставался год жизни, президент Клинтон сказал ей: «Вы с честью служили Америке и давали пример не только нынешним и будущим женам морских офицеров, но и всем американцам».

Эпитафию себе Роберта Берк выбрала простую: «Жена моряка».

ДОКТОР ДЖЕК КЕВОРКЯН СНОВА отвязал меня от кресла для эвтаназии, которое уже стало моим персональным креслом, здесь в центре летальных инъекций в Хантсвилле, Техас. Под его наблюдением я прошел уже через пятнадцать предсмертных опытов. Так держать, Джек! Этим утром меня посетил у райских врат Кларенс Дарроу, выдающийся американский адвокат, уже шесть лет как покойный. Он хотел изложить слушателям WNYC свое мнение о появлении телекамер в залах суда. Вы не поверите, но он сказал, что приветствует это нововведение.

«Появление этих камер окончательно доказывает, – сказал он мне, – что ни одна система правосудия, где бы то ни было и когда бы то ни было, не заботилась о справедливости. Подобно гладиаторским боям, системы правосудия всего лишь предоставляют несправедливым правительствам – а иных правительств не существует – возможность здорово развлечься, играя чужими жизнями».

Я поблагодарил мистера Дарроу за то, что он сделал американскую историю более человеческой, чем она могла быть, красноречиво оправдывая в суде первых организаторов профсоюзов, преподавателей неприятных научных истин, за его острое презрение к расизму и ненависть к смертной казни. И покойный, великий адвокат Кларенс Дарроу, сказал мне одно: «Я развлекался как мог».

Репортаж окончен. Эй, Джек, айда в центр, закажем что-нибудь из старой доброй мексиканской кухни.

В ТЕЧЕНИЕ ПОЧТИ ЦЕЛОГО ГОДА, интервьюируя совершенно мертвых людей, будучи при этом лишь наполовину мертвым, я неоднократно просил Святого Петра о встрече с моим давним героем. Это мой земляк, покойный Юджин Виктор Дебс из Терр Отт, Индиана. Он пять раз баллотировался в президенты от Социалистической партии, когда в этой стране еще была сильная Социалистическая партия.

И вот, угадайте, кто ждал меня у дальнего конца голубого туннеля вчера – не кто иной как Юджин Виктор Дебс, организатор первой успешной забастовки в крупной

отрасли американской промышленности (железные дороги). Мы никогда раньше не встречались. Этот выдающийся американец умер в 1926 году в семьдесят один год, когда мне было четыре.

Я поблагодарил его за слова, которые я не устаю цитировать в своих выступлениях: «Пока есть низший класс, я к нему отношусь. Пока есть преступники, я один из них. Пока хоть одна душа томится в тюрьме, я не свободен».

Он спросил, как эти слова воспринимаются здесь, на Земле, в Америке, в наши дни. Со смехом, ответил я. «Люди усмеваются и фыркают», – сказал я. Он спросил, какая отрасль промышленности развивается у нас быстрее всех. И я ответил: «Строительство тюрем».

«Плохо», – сказал он. Затем он спросил, как в наши дни воспринимается Нагорная проповедь. А потом расправил крылья и улетел.

ЭТО КУРТ ВОННЕГУТ. Во время контролируемого предсмертного опыта сегодня утром я завтракал с Гарольдом Эпштейном, умершим недавно в своем поместье

в Ларчмонте. Он умер от того, что иначе как естественными причинами не назовешь, ибо было ему девяносто четыре года. Этот милый человек был аудитором, который после сердечного приступа тридцать четыре года назад отдался вместе с женой Эстой тому, что он сам называет «садовой лихорадкой».

Эста еще среди нас и, надеюсь, слышит меня. Гарольд и Эста Эпштейн четыре раза обогнули земной шар в поисках, часто успешных, новых чудесных растений для американских садов, хотя каждый из них был всего лишь садоводом-любителем. К тому времени, когда Гарольд обменял свою ветхую плоть на новую в раю, он был почетным председателем Американского общества садоводов, Нью-йоркского общества любителей орхидей и Северо-восточного отделения Американского общества рододендронов.

Я попросил его кратко охарактеризовать свою жизнь после того давнего сердечного приступа. Он сказал: «Я жалею только об одном – о том, что не все люди могли быть так же счастливы, как мы». По словам покойного Гарольда Эпштейна, первым, что он сделал, попав в рай и

сорвав цветок, которого никогда раньше не видел, было благодарение Богу за бесценный дар садовой лихорадки.

МЫ С ДЖЕКОМ КЕВОРКЯНОМ ДУМАЛИ, что предусмотрели все опасности предсмертных опытов. Но сегодня я влюбился в мертвую женщину. Ее зовут Вивьен Халлинан.

Желание встретиться с ней у меня вызвало одно слово в заголовке ее некролога в «Нью-Йорк Таймс»: «Вивьен Халлинан, 88 лет, старшая представительница пестрого семейства с Западного побережья». Что может сделать человека или целое семейство «пестрым»? В загробной жизни я разговаривал с людьми блестящими, влиятельными, мужественными, харизматическими и т. д. Но что, черт возьми, означало слово «пестрый»? Мне в голову пришли только два возможных синонима: «яркий» и «шутовской».

Но теперь я разгадал загадку. На языке «Нью-Йорк Таймс» слово «пестрый» обозначало людей невероятно красивых, ярких, богатых, но при этом социалистов.

Хотите подробней? Покойный муж Вивьен Винсент Халлинан, адвокат, заработавший кучу денег на торговле недвижимостью, в 1952 году баллотировался в президенты аж Соединенных Штатов от Прогрессивной партии. Какое яркое шутовство возможно в Калифорнии!

А вот какое. Винсент отсидел полгода в тюрьме за то, что защищал профсоюзного лидера Гарри Бриджеса, обвиненного в коммунизме в самый разгар эры Маккарти. Вивьен провела месяц в тюрьме за неподобающее поведение во время демонстрации за гражданские права в 1964 году.

И вот еще что. Вместе с ней на демонстрации были все ее пять сыновей, а один из них, Теренс, сейчас работает окружным прокурором Сан-Франциско!

В раю можно выбирать свой возраст. Моему отцу здесь девять. Вивьен Халлинан захотела быть вечно двадцатичетырехлетней.

Я спросил, как ей нравится характеристика «пестрая». Она ответила, что предпочла бы, чтобы ее называли так же, как Франклина Д. Рузвельта называли его враги: «Предательницей своего класса».

ДОКТОР КЕВОРКЯН ТОЛЬКО ЧТО отвязал меня от аппарата после очередного контролируемого предсмертного опыта. На этот раз мне повезло проинтервьюировать ни кого иного как покойного Адольфа Гитлера.

Я с удовлетворением узнал, что он раскаивается за свои действия, прямо или косвенно повлекшие за собой насильственную смерть тридцати пяти миллионов людей во время второй мировой войны. Он и его любовница Ева Браун, разумеется, включены в число жертв вместе с четырьмя миллионами остальных жителей Германии, шестью миллионами евреев, восемнадцатью миллионами граждан Советского Союза и т. д.

«Я заплатил за все сполна вместе с остальными», – сказал он.

Он выразил надежду на то, что в его память где-нибудь, возможно, перед штаб-квартирой ООН в Нью-Йорке, воздвигнут скромный памятник, желательно в форме креста, ведь он был христианин. На нем будут, сказал он, его имя и дата 1889–1945. А внизу два слова по-немецки: “Entschuldigen Sie”.

В примерном переводе это означает «Прошу прощения» или «Извиняюсь».

ВО ВРЕМЯ СЕГОДНЯШНЕГО ПРЕДСМЕРТНОГО опыта я говорил с Джоном Уэсли Джойсом, умершим в шестьдесят пять лет, бывшим полицейским, владельцем бара «Львиная голова» в Гринвич Виллидж с 1966 по 1996, пока не прогорел. Его заведение было самой знаменитой забегаловкой для сильно пьющих и болтающих без умолку писателей Америки. Один шутник назвал посетителей бара «пьяницами, злоупотребляющими писательством».

Покойный мистер Джойс сказал, что эти писатели превратили его заведение в свой клуб по интересам, что ему совсем не улыбалось. Он установил музыкальный автомат в надежде, что это помешает им болтать. Но не тут то было. «Они просто стали разговаривать намного громче», – сказал он.

ЭТО КУРТ ВОННЕГУТ, спецкор WNYC в загробной жизни. Во время вчерашнего предсмертного опыта я имел

удовольствие беседовать с Фрэнсес Кин, специалистом по романской филологии и автором детских книжек, умершей от рака поджелудочной железы 26 июня этого года в возрасте восьмидесяти пяти лет. Ее в целом хвалебный некролог в «Нью-Йорк Таймс» обескураживал читателя своей последней фразой: «Три ее брака закончились разводом». Когда я спросил ее об этом, она пожала плечами и ответила на трех романских языках.

“Asi es la vida”, – сказала она.

“C’e la vita”, – сказала она.

“C’est la vie”, – сказала она.

А еще: «Не раздражай меня».

ВО ВРЕМЯ КОНТРОЛИРУЕМЫХ ПРЕДСМЕРТНЫХ опытов я встречал сэра Исаака Ньютона, умершего в 1727 году, так же часто, как и Святого Петра. Они оба торчат у райского конца голубого туннеля в загробную жизнь. Святой Петр – потому что это его работа. А сэр Исаак – из-за своего ненасытного любопытства относительно того, что такое голубой туннель и как он работает.

Ньютону мало того, что за свои восемьдесят пять лет на Земле он придумал дифференциальное и интегральное исчисление, сформулировал и рассчитал законы притяжения, движения и оптики, сконструировал первый зеркальный телескоп. Он не может простить себе, что не опередил Дарвина с эволюционной теорией, Пастера – с теорией микроорганизмов и Эйнштейна – с теорией относительности.

«Должно быть, я ослеп, оглох и отупел, если не открыл всего этого сам, – пожаловался он мне, – Это же было так очевидно».

Вообще-то брать интервью у мертвых людей – моя работа, но сэр Исаак Ньютон сам завалил меня вопросами. Он ведь только один раз прошел сквозь голубой туннель. Он спросил меня, из чего, по-моему, сделан туннель – из ткани, металла, дерева или еще чего. Я сказал, что туннель сделан из того же, из чего сделаны сны, каковой ответ оставил его в полной неудовлетворенности.

Святой Петр процитировал ему Шекспира: «Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам».

Я ТОЛЬКО ЧТО ГОВОРИЛ с Питером Пеллегрини, умершим 26 марта сего года в возрасте восьмидесяти пяти лет у себя дома, в Ньютауне, Пенсильвания. Мистер Пеллегрини основал Американскую федерацию воздухоплавания и стал первым американцев, пересекшим Альпы на воздушном шаре.

Он спросил, летаю ли я на воздушных шарах, и я сказал нет. Этот разговор происходил за пределами райских врат. Внутри меня больше не пускают. Святой Петр пригрозил, что если я еще раз войду, то сам стану их сторожить вместо него.

Святой Петр объяснил Пеллегрини, что я на самом деле не умер, а просто участвую в эксперименте и скоро вернусь в мир живых.

Услышав это, Пеллегрини сказал: «Мужик, ради Бога, раздобудь баллон пропана и воздушный шар, пока у тебя еще есть время, иначе ты никогда не узнаешь, что такое рай!»

Святой Петр запротестовал. «Мистер Пеллегрини, – сказал он, – это *и есть* рай!»

«Ты говоришь так только потому, – ответил Пеллегрини, – что никогда не пересекал Альпы на воздушном шаре!»

Святой Петр обратился ко мне: «У вас есть время не только для воздухоплавания, но и для того, чтобы написать книгу под названием “Рай и его неудобства”». Пеллегринно он сказал (с иронией, конечно): «Если бы вы на Земле попробовали кокаин, то, наверное, рай тоже стал бы для вас разочарованием».

«В точку!» – сказал Пеллегринно.

По его словам, еще ребенком он знал, что место его в небе, а не на земле, «подобно вытащенной на берег рыбе, которая знает, что ее место в воде». Как только он стал достаточно взрослым, он стал подниматься в воздух на всех типах самолетов, от военных «Дженни» до аэробусов.

«Но я чувствовал себя чужаком в небе, разрезая воздух пропеллерами, загрязняя его шумом и выхлопами, – продолжал он. – На воздушном шаре я впервые полетел в тридцать пять лет. Это было исполнение мечты. Это был рай, хотя я был еще жив. Я *стал* небом».

Это Курт Воннегут вместе с Джеком Кеворкяном из тюрьмы Хантсвилла. До следующего раза, та-та.

КОГДА Я ЗАХОТЕЛ НАЙТИ Джеймса Эрла Рэя, сознавшегося убийцу Мартина Лютера Кинга, искать долго мне не пришлось. Джеймс Эрл Рэй скончался от болезни печени 23 апреля 1998 года. Однако, как сказал мне Святой Петр, он до сих пор не сделал ни шага в жизнь вечную, ожидающую его за райскими воротами.

Нет, он не придурок, коэффициент его интеллекта составляет 108 баллов, что гораздо выше среднего уровня жителей Америки. Он сказал, что не войдет в вечность до тех пор, пока для него не построят тюремную камеру. Он сказал, что только в камере ему будет удобно провести вечность. В камере, сказал он, ему будет наплевать, сколько времени пройдет. Если быть точным, то он сказал, что ему будет «насрать», сколько времени пройдет.

Его речь до сих пор щедро усыпана словом на букву «н», обозначающим афро-американское население, несмотря на то, что Святой Петр умоляет его, ради Бога, заткнуться к чертям собачьим. Он сказал, что никогда бы не застрелил «большого н...», т. е. доктора Кинга, если бы знал, что эта ёбаная пуля сделает «большого н...» и то, за что он боролся, таким знаменитым по всему ёбаному миру. «Из-за меня, – сказал он, – белых детей учат в школе, что

«большой н...» был чуть ли не главным американским героем, типа ёбаного Джорджа Вашингтона. Из-за моей паршивой пули то дерьмо, которое говорил «большой н...», высекли на мраморных постаментах и даже, я слышал, выложили ёбаным золотом».

Это Курт Воннегут из ёбаного центра летальных инъекций в Хантсвилле, ёбанный штат Техас.

ВО ВРЕМЯ МОЕГО ПОСЛЕДНЕГО КОНТРОЛИРУЕМОГО предсмертного опыта я говорил с Вильямом Шекспиром. Мы с ним не поладили. Он сказал, что диалект, на котором я говорю, – самый отвратный английский, «что терзает уши смертных». Он спросил, как называется этот диалект, и я ответил: «индианаполисский».

Я поздравил его со всеми премиями «Оскар», которые получил фильм «Влюбленный Шекспир», поскольку его сюжет построен вокруг пьесы «Ромео и Джульета».

По поводу фильма и «Оскаров» он сказал: «история, что рассказал дурак, наполненная яростью и шумом, которая не значит ничего».

Я спросил его напрямик, действительно ли он является автором всех произведений, которые ему приписываются. «Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет, – сказал он, – Спроси Святого Петра!» Что я вскоре и сделал.

Я спросил, имел ли он интимные связи с мужчинами, как и с женщинами, памятуя о том, как не терпится слушателям WNYC разрешить этот вопрос. Судя по его ответу, он приветствует привязанность между животными всех видов:

«Мы были точно близнецы-ягнята, что блеют и на солнце вместе скачут: невинность мы давали за невинность». Под «давали» он имел в виду «меняли»: «меняли невинность на невинность». Это самая мягкая порнография, которую я когда-либо встречал.

На этом он потерял всякий интерес к моим вопросам. Фактически, он просто послал вашего репортера куда подальше. «Ступай-ка в монастырь», – сказал он и с этим отошел.

На обратной дороге через голубой туннель я чувствовал себя полным дураком. Интересные ответы на любой вопрос, который я мог задать величайшему писателю из когда-либо живших на Земле, можно найти в сборнике «Знаменитые

цитаты». Перл насчет обмена невинности на невинность взят из «Зимней сказки».

Наконец, я вспомнил спросить Святого Петра, действительно ли Шекспир написал всего Шекспира. Он ответил, что никто из попавших в рай (а ада ведь не существует) не заявил о своих авторских правах на эти произведения. «В смысле, никто не захотел пройти тест на моем детекторе лжи», – добавил Святой Петр.

Это ваш косноязычный, униженный, полуграмотный, отвратительный самому себе литературный поденщик Курт Воннегут с таким насущным вопросом: «Быть или не быть?»

Я ПОКА ЕЩЕ НИ РАЗУ НЕ ПЫТАЛСЯ РАЗДРАЗНИТЬ ваше любопытство по поводу мертвого человека, но теперь самое время. Посмотрим, как хорошо вы знаете историю великих идей.

Для начала: этот бывший смертный в возрасте двадцати лет без малого высказал идею, столь же важную для современных мыслящих людей, как и теория

микроорганизмов Пастера, теория эволюции Дарвина или мальтузианский страх перенаселения.

Подсказка номер два: судите по родне. Мать этого невероятно юного писателя тоже была известным писателем. Некоторые ее книги были иллюстрированы не кем иным, как Вильямом Блейком! Представьте себе человека, книги которого иллюстрирует Вильям Блейк! Ее излюбленная мысль состояла в том, что женщины имеют равные с мужчинами права.

Отец моего таинственного собеседника тоже был писателем, антикальвинистским проповедником, который как-то написал: «Сам Господь не имеет права быть тираном».

Кто были друзья столь distinguished родителей? Вильям Блейк, Томас Пейн и Вильям Вордсворт, например.

Третья подсказка: этот человек состоял в браке со знаменитостью, известной как своей поэзией, так и романтической бесшабашностью в личной жизни. К примеру, эта знаменитость подтолкнула к самоубийству свою первую жену. Что касается романтики, то он утонул в возрасте тридцати лет.

Сдаетесь? Сегодня в раю я говорил с Мэри Уолстонкрафт Шелли, автором самого пророческого и известного научно-фантастического романа всех времен «Франкенштейн, или Новый Прометей». Написан он был в 1818 году, за сто лет до конца первой мировой войны с ее франкенштейновыми изобретениями: отравляющим газом, танками, самолетами, огнеметами, противопехотными минами и колючей проволокой.

Я надеялся узнать, что Мэри Шелли думает об атомных бомбах, которые мы сбросили на безоружных людей, женщин и детей в Хиросиме и Нагасаки – и обещаю попытаться еще раз. На этот же раз она лишь восторгалась своими родителями, которыми были, конечно же, Вильям и Мэри Уолстонкрафт Годвин, а также своим мужем, Перси Биши Шелли и их общими друзьями, Джоном Китсом и лордом Байроном.

Я сказал, что многие люди в наше время по неведению думают, что Франкенштейн – это имя монстра, а не ученого, создавшего его.

Она заметила: «Это не так уж глупо, в конце концов. Ведь в моей книге два монстра, а не один. И одного из них, ученого, и вправду звали Франкенштейном».

Это Курт Воннегут из Хантсвилла, штат Техас.

Я ВЕРНУЛСЯ С ТОГО СВЕТА,
ПРОИНТЕРВЬЮИРОВАВ поэта Филипа Стракса. С-Т-Р-А-
К-С-А. Он умер в возрасте девяноста лет в один день с
бейсболистом Джо Димаджо и является автором такого
очаровательного двустишия:

Лучше любить и хотеть,
Чем дать аппарату ржаветь.

Автор трех томов поэзии, Алекс Стракс был также
рентгенологом. Он усовершенствовал рентген так, что
теперь с его помощью можно видеть не только кости, но и
злокачественные опухоли в мягких тканях груди.
Количество женских жизней, продленных благодаря
раннему обнаружению рака, может исчисляться, выражаясь
языком бейсболистов, тысячами и тысячами пробежек
после удачно отбитого мяча.

Поворотным пунктом его научной, если не литературной,
карьеры стала смерть его горячо любимой жены Гертруды в
возрасте всего лишь тридцати девяти лет. Ее прикончил рак
груди, обнаруженный слишком поздно. Каждый миг его

последующей профессиональной деятельности был посвящен борьбе с этой болезнью: и какой успех!

Я обнаружил его рядом с толпой обезумевших ангелов, жаждавших получить автограф Димаджо на своих перьях. Я сказал, что его яркий некролог в «Нью-Йорк Таймс» свидетельствует о том, что он очень любил женщин, и они отвечали ему взаимностью. Он прочитал бесстрашно феминистские строчки своего сочинения:

Напомним, есть лишь двух сортов

Мужчины в этом мире баб:

Один считает, что он силен,

Другой же знает, как он слаб.

Это Курт Воннегут со своим незаменимым помощником Джеком Кеворкяном, спасавшим мою жизнь сотни раз. Агу.

СЕЙЧАС ПОЛДЕНЬ 3 февраля 1998 года. Меня только что отвязали от кресла после очередного предсмертного опыта в этой никогда не пустующей камере смерти в Хантсвилле, Техас.

В первый раз в своей карьере я прошел по голубому туннелю буквально по пятам знаменитости. Ею была Карла

Фэй Такер, зарубившая топором двух незнакомых ей людей. Сама Карла Фэй была убита штатом Техас сразу после обеда.

Два часа спустя я сам был на три четверти умерщвлен. Я нагнал Карлу Фэй примерно за полторы сотни метров от конца голубого туннеля. Поскольку она едва тащилась, я поспешил заверить ее в том, что ада нет, и ни она, ни кто-либо еще в него не попадет. Она ответила: жаль. Она бы с радостью отправилась в ад, если бы туда же попал и губернатор Техаса. «Он тоже убийца, – сказала Карла Фэй. – Он убил меня».

Доктор Джек Кеворкян следит за моими путешествиями на порог смерти и обратно. Ваш корреспондент в загробной жизни заканчивает репортаж. Джека и меня попросили освободить помещение, которое нужно подготовить для очередной казни. От имени нас обоих, та-та.

К СОЖАЛЕНИЮ, НЕДАВНИЕ ТРУДНОСТИ Джека Кеворкяна с законом в Мичигане, состоящие, чего греха таить, в том, что его обвинили в убийстве первой степени, вынудили меня сделать перерыв (надеюсь, временный) в

моих предсмертных опытах. Дабы удовлетворить денежные запросы WNYC, я провел интервью с человеком, который все еще жив.

Это писатель-фантаст Килгор Траут, которого я спросил о недавних событиях в Косово. Я записал ответ Траута на магнитофон, но его верхняя челюсть постоянно выпадала, и запись получилась неразборчивой. Поэтому я перескажу то, что он сказал, своими словами.

Цитирую:

Должно быть, соблазн устроить телешоу с взрыванием мостов, полицейских участков, заводов и т. д. оказался для НАТО непреодолимым. Инфраструктура сербской тирании должна была быть сохранена, дабы поддержать правопорядок и спокойствие, буде таковые вернутся. Каждый город – мировое достояние, и в НАТО не понимают, что сделать город непригодным для жизни, значит рыть яму другому, чтобы потом самому в нее попасть.

Это шоу-бизнес!

Паранойя и безумие этнических чисток сегодня приводит к самому худшему почти мгновенно, подобно цунами, землетрясению или извержению вулкана – вчера в

Руанде, сегодня в Косово и кто знает, где завтра. Эта болезнь имеет давнюю историю. Можно вспомнить уничтожение аборигенов европейцами в Западном полушарии, Австралии и Тасмании, истребление армян турками и, конечно, Холокост. Между прочим, тасманский геноцид – единственный на сто процентов успешный, о котором я слышал. Ни у одного человека на Земле нет предка-тасманца!

Похоже, сегодня появился новый вид бактерий этнических чисток, применительно к которому традиционные методы лечения прошлого выглядят жалкими и даже нелепыми. Сегодня в каждом подобном случае оказывается, что уже слишком поздно. Жертвы уже практически все мертвы или лишены крова к тому времени, когда о них упомянут в шестичасовых новостях.

Все, что остается делать добрым людям по поводу болезни этнических чисток, которые каждый раз оказываются свершившимся фактом, это спасти оставшихся в живых. Остерегайтесь христиан!

С вами был Курт Воннегут.

МОЯ КАРЬЕРА ЗАГРОБНОГО ЖУРНАЛИСТА почти наверняка закончится сегодня, дорогие слушатели. Не успел я встать со стула, чтобы рассказать о своем интервью с покойным Айзеком Азимовым, как Джека Кеворкяна увели в наручниках – он должен предстать перед судом в Мичигане по обвинению в убийстве. Какая ирония! Этот предполагаемый убийца спасал мне жизнь не один раз! Без Джека этот центр летальных инъекций мне больше не мил.

Простите мне мои смешанные чувства: огорчение по поводу несчастья, приключившегося с одним моим другом, Джеком, пока живым, и радость за относительное благополучие другого – Айзека Азимова, умершего от болезни сердца и проблем с почками в возрасте семидесяти двух лет.

На земле Айзек, мой предшественник на посту почетного председателя Американской гуманистической ассоциации, был самым плодовитым писателем в истории американской литературы. Он написал около пятисот книг. Для сравнения: я написал двадцать, Оноре де Бальзак – восемьдесят пять. Иногда Айзек выпускал по десять томов в год! И не только отменную научную фантастику, но и научно-популярные книги о Шекспире, биохимии,

античной истории, Библии, теории относительности и многом другом.

У Айзека имелась докторская степень по химии, а родился он в Смоленске, в бывшем Советском Союзе, но вырос в Бруклине. Согласно некрологу в «Нью-Йорк Таймс», он ненавидел летать и никогда не читал ни Хемингуэя, ни Фицджеральда, ни Джойса, ни Кафку. «Я чужак в литературе двадцатого века», – написал он однажды.

«Айзек, – сказал я, – тебе самое место в книге рекордов Гиннеса».

А он ответил: «Чтобы быть увековеченным рядом с петухом по кличке Чудак, который весил десять килограмм и убил двух кошек?»

Я спросил, пишет ли он что-нибудь, и он ответил: «Постоянно! Рай был бы адом для меня, если бы я не мог писать все время. И Земля была бы адом, если бы не возможность писать все время. Сам ад был бы терпим, если бы я мог писать все время».

«Слава Богу, что ада нет», – сказал я.

«Приятно было поболтать, – сказал он, – но мне пора за работу над шеститомным исследованием земных предрассудков относительно загробной жизни».

«А я бы с удовольствием поспал», – сказал я.

«Говоришь, как настоящий гуманист», – заметил он, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

«Последний вопрос, – попросил я. – Что заставляет тебя так много писать?»

Айзек Азимов ответил одним словом: «Бегство». А затем он добавил известную фразу не менее плодовитого французского писателя Жан-Поля Сартра:

«Ад – это другие».